

сти *рачителя*, философии *любителя*, правде *творителя*, книгам *сказателя*, грамоте *пермстей писателя*.¹ Кроме окончаний, выделенных в тексте курсивом, мы находим в том же тексте нить слов: *обретателя* — *взыскателя* — *подателя*, — нить, переплетающуюся с другой нитью: *руководителя* — *чистителя* — *утешителя* — *кормителя*. Обе нити продолжаютя в конце периода, причем слова с окончаниями *-ателя* и *-ителя* начинают теперь рифмовать, переместившись с первого места на второе. Нужны по меньшей мере *киноварь* и *чернила*, чтобы наглядно показать линии этих узоров.

Епифаний сам хорошо сознавал „сплетенность“ своих слов. Он не только воспользовался в приведенном отрывке выражениями „плетущи“ и „приплетая“, но и в другом месте² говорит: „Како хвалу ти сплету?“.

Судя по „Житию Стефана Пермского“, для Епифания было характерно включение в текст *житий* сочиненных им молитв,³ *поучений*⁴ и т. п. В „Житии“ встречаются и диалоги,⁵ но более характерен для Епифания *статический* монолог в форме, как мы сказали, *молитвы*, *поучения*, *плача*. Так, в „Житии“ помещены „*плач пермских людей*“, „*плач церкви пермския*“, „*плачеве и похвала инока списающа*“.⁶ В соответствии с этой статикой, отсутствием „сценичности“, стоит характеристика того или иного лица путем нанизывания вереницы эпитетов. Наконец Епифаний (в отличие от Пахомия) любил давать длинную цепь текстов из „*священного писания*“.

Отличительным свойством произведений Пахомия были, наоборот, *драматические* (сценические) эпизоды. Например, при описании возвращения Сергия: „*ученицы ко святому в радости зельне припадающе на нозе его целоваху, и руже лобзающе, и ризам его касающеся, очи и лице знаменающе, инии же предтекуще от желания, толико хотяще зрети на нь*“. Это — многофигурная живописная композиция, сцена, в которой прежде всего привлекают внимание движения и позы. Сходные описания не даром встречаются в позднейших иконописных подлинниках.

Другое отличительное свойство Пахомия — любовь к диалогам.⁷ Речи не представляют уже собой риторических монологов, „плача“ или декламации, как у Епифания, а являются речами действующих лиц, приближаются к реалистической передаче живого разговора; повествование драматизируется, „инсценируется“, дается „в лицах“. Примером может служить начало разговора митрополита Алексия и Сергия (по редакциям Г, Д и Е). Митрополит говорит Сергию: „Ведый буди, преподобне, на что призвах тя и что хошу яже о тебе сотвори?“ Сергий отвечает: „И како могу, господи, ведати?“ и т. д.⁸

Наконец если присмотреться ко многим рассказам Пахомия о чудесах, то нетрудно заметить, что в них особенно выделяются явления,

¹ Там же, стр. 106.

² Там же, стр. 102.

³ Там же, стр. 18—19, 52, 81.

⁴ Там же, стр. 28—29, 82—84.

⁵ Там же, стр. 57.

⁶ Там же, стр. 86—91, 91—98, 100—112.

⁷ Это было отмечено уже Яблонским, у которого приведены и примеры (стр. 270—272).

⁸ Ср. в спорной (по Тихонравову, „Епифаниевой“) редакции Б: „Видев же его митрополит и рече ему: „Добро прииде, чадо“. Сергие же отвеща: „По повелению твоему приидох, не могши преслушати твоего звания“. На мой взгляд, это еще аргумент в пользу того, что редакция Б не принадлежит Епифанию.